

— Бай Му, — произнёс Цзян Синчжи, делая несколько шагов вперёд, его голос прозвучал мягко, но с лёгким оттенком напряжения, будто он боялся спугнуть что-то невидимое между ними. Ночной воздух был плотным, пропитанным ароматом мокрой земли и старого дерева, а тени от сосен ложились на камни, как следы давно ушедших путников.

Тёмная фигура медленно обернулась. Одна прядь волос упала на высокий лоб, скользнув по кости, словно прикосновение воспоминания. Глаза Чжун Мина всё ещё хранили остроту последнего движения, взгляд был резким, как клинок, только что вынутый из ножен, но в нём не было вражды, лишь вопрос.

— Что?

Цзян Синчжи приблизился, не торопясь, будто боясь нарушить хрупкое равновесие момента. Его взгляд невольно скользнул по тонкой, сломанной, без изысков ветке в руке Чжун Мина, которая в движении казалась живой, как продолжение его собственного дыхания.

— Откуда у тебя этот стиль меча? — спросил он, голос его звучал почти задумчиво, будто он пытался распознать знакомый запах в древнем вине.

— Сам создал, — ответил тот, чуть наклонив голову. — А что?

Цзян Синчжи замялся. На миг повисла тишина, в которой слышалось только дыхание ветра в листве и далёкий шёпот горного ручья. Он вспомнил сотни боёв, тысячи перекрещенных клинков, бесконечные ночи под луной, когда он сражался с Сюй Цзянем — не ради победы, а ради понимания: где заканчивается мастерство и начинается искусство. Он знал каждый его удар, каждое колебание намерения, каждый поворот запястья, будто чувствовал их в собственных костях. И потому сейчас, глядя на завершающее движение техники Чжун Мина, он не мог сказать точно — то ли ему показалось, то ли действительно перед ним возникло нечто до боли знакомое.

— Да так, — сказал он наконец, чуть улыбнувшись. — Просто вспомнилось одно древнее выражение: «Грациозен, как испуганный журавль, стремителен, как плывущий дракон». Красиво. Не покажешь ещё раз?

Чжун Мин посмотрел на него долгим, изучающим взглядом, будто взвешивал каждое дыхание, каждый вздох. Потом кивнул.

— Хорошо.

Он снова поднял ветку.

Воздух дрогнул.

С первого же движения стало ясно, что это не имитация. Это была форма, рождённая в одиночестве, выкованная в тишине, выстраданная годами внутренней борьбы. Ветка, хрупкая и обычная, двигалась с такой силой, что вокруг неё собиралась истинная суть, будто сама природа признала её оружием. Каждый взмах был точен, каждый поворот — полон смысла. При движении вовнутрь — плавный, как втягивание дыхания; при выпаде — резкий, как удар молнии. Его фигура, высокая и стройная, сливалась с техникой, будто танцор, исполняющий древний ритуал для богов, давно забывших этот мир.

Цзян Синчжи стоял в стороне, наблюдая.

Да, в некоторых переходах чувствовалось сходство. Особенно в том, как запястье вращалось в самый последний миг, заставляя энергию менять направление, будто змея, внезапно меняющая курс в траве. Но различия были очевидны. У Сюй Цзяня была холодная, почти безжалостная чёткость, как у зимнего ветра, режущего лицо. А в движениях Чжун Мина, чувствовалась глубина, тишина, как у озера под снегом.

На мгновение внутри него шевельнулось что-то странное — не надежда, нет, скорее тень чего-то большего, почти забытого. А потом его накрыло волной разочарования. Лёгкого, как дым, но настоящего.

«Может быть, я ожидал увидеть не стиль... а его самого?»

Ведь в мире культивации многие великие техники рождаются из общих корней. Один мастер обучает десятерых, те расходятся по миру, и через века их учение возвращается в новых формах, под другими именами. Возможно, стиль Сюй Цзяня просто восходит к более древнему источнику, а Чжун Мин стал одним из его носителей.

Но тогда...

Цзян Синчжи вдруг замер.

Его взгляд медленно сместился с техники на самого Чжун Мина — на его профиль, на линию шеи, на способ, которым он держал «меч», как будто это было продолжение его руки, его души.

«Если стиль Сюй Цзяня происходит от этого... значит, Чжун Мин — его предок?»

Мысль была абсурдной. И в то же время слишком правдоподобной, чтобы просто отбросить её.

Чжун Мин закончил последний удар, опустил ветку, и энергия, собранная вокруг, рассеялась, как пепел в ветре. Он повернулся к Цзян Синчжи и встретил взгляд, полный странного, трудноуловимого смысла.

Увидев, что внимание всё ещё приковано к его движениям, он слегка провернул ветку в пальцах, будто демонстрируя её пустоту.

— Ты так сильно мной интересуешься? — с лёгкой насмешкой спросил он.

Цзян Синчжи отвёл глаза, будто пойманный на чём-то личном.

— Совсем нет, — сказал он, голос его звучал ровно, но в нём чувствовалась лёгкая дрожь, как эхо после удара колокола. — Просто любопытно.

Он не добавил вслух того, что крутилось в голове: «любопытно, связан ли ты с тем, кого я потерял.» Но, может быть, Чжун Мин это и так понял.

***

Сегодня был день, назначенный для визита в Павильон Циньфэну. У подножия горы Панши уже ожидала изящная, с бамбуковыми занавесями, украшенными вышивкой в виде летящих журавлей, карета, присланная со стороны секты. Золотые колокольчики на углах занавеса тихо звенели в такт дуновению ветра. Четыре культиватора стадии Золотого Ядра стояли по углам, как стражи времени, и молча склонили головы, когда увидели, что из-за поворота тропы появляются двое.

Цзян Синчжи вновь достал из сумки хранения хрустальную лампу — ту самую, что светилась мягким, внутренним светом, словно заключённая в неё была капля рассвета. Он повернулся к Чжун Мину, голос его звучал легко, но с лёгкой насмешливой интонацией:

— Пора спускаться. И не забудь: раз ты обладаешь божественным статусом, говори о себе только «этот господин». Это важно для имиджа.

Чжун Мин слегка нахмурился.

«Этот господин»...

В ушах зазвучало странное эхо: ведь цзо (卞) в выражении бэнь цзо — «этот господин» — означало буквально «это место», «трон», символ власти. Но в сочетании со словом дэн цзо — «держатель лампы» — это звучало почти как издевка. Как будто он не бессмертный, а просто подставка под чью-то свечу.

Он не стал возражать. Только молча последовал за ним.

— Они здесь, — произнёс кто-то впереди.

Перед барьером, охраняющим вход на территорию секты, четверо культиваторов стади Золотого Ядра опустились на одно колено, склонив головы:

— Приветствуем Великого Владыку Лампы и Держателя Лампы!

Все взгляды обратились к хрустальной лампе в руках Цзян Синчжи, будто она была не предметом, а живым существом, источающим древнюю силу.

Цзян Синчжи лишь слегка взмахнул рукавом:

— Встаньте.

Они вошли в карету. Та плавно оторвалась от земли, понесшись вперёд, увлекаемая потоками духовной энергии, как лодка по невидимой реке. Карета была открытой с четырёх сторон, чтобы воздух свободно циркулировал, и путники могли видеть мир, раскрывающийся под ними. Цзян Синчжи сел рядом с Чжун Мином. Их плечи соприкоснулись, но не оттого, что места было мало, а потому что карета была создана для двоих. Для пары.

На миг вспомнилась ночь. Тишина пещеры. Холод, жар, прикосновение чужой руки к затылку.

Он чуть отстранился.

— Почему они не прислали две кареты? — спросил он, будто между прочим.

Чжун Мин смотрел вперёд, в бесконечность облаков, где горы казались островами в море пара.

— Мы идем комплектом, — ответил он спокойно. — Незачем разделять то, что прибыло вместе.

Цзян Синчжи промолчал.

Их руки лежали близко друг к другу на сиденье. В следующее мгновение Чжун Мин медленно протянул ладонь, не грубо, а с лёгкостью, с которой врач проверяет пульс, взял его за запястье. Его божественное сознание скользнуло по меридианам, исследуя состояние тела, оценивая, не осталось ли следов прежнего холода.

— Теперь ты в порядке, — сказал он тихо.

Цзян Синчжи старался сохранять невозмутимость.

«Ладно, — думал он, — целители всегда заботливы. Бай Му действует из отцовской заботы. Ничего больше.» Но внутри него шевельнулось сомнение.

Божественное сознание Чжун Мина было покрыто лёгкой дымкой, как если бы его истинная форма была замаскирована. Так делают только те, кто боится быть узанным ... или те, кто скрывает нечто важное. Лишь при столкновении лицом к лицу с равным по силе можно было заставить его снять эту завесу.

Все имеют свои тайны.

Цзян Синчжи мягко высвободил руку:

— Как только холод рассеялся, всё прошло.

Карета продолжала свой путь сквозь облака, пересекая горные хребты, будто проникая в сердце мира. Под ними зиял бездонный ущелье, ветер поднимался с долины, отчего занавеси хлопали, а колокольчики звенели всё громче, как предупреждение.

Вскоре перед ними возникла самая величественная из гор — пик, уходящий в небо, как клинок бога. Скалы вокруг были причудливой формы, словно вырезанные демонами, и когда карета приблизилась, в пространстве вспыхнули светящиеся линии формационного массива. Камни сдвинулись, открывая путь к воротам Павильона Циньфэну, скрытые за слоями иллюзий и защитных печатей.

По сравнению с Гуйсюэ, здесь всё было сложнее, глубже и мощнее.

У самого входа их уже ждал Глава Павильона — Чи Юйфэн. Высокий, в длинных одеждах цвета старого бронза, он стоял во главе процессии учеников, все склонили головы в почтительном приветствии.

— Почётные гости, — произнёс он, подходя ближе. — Прощу проследовать за мной в павильон Ваньюань.

— Благодарим, Глава Павильона, — ответил Цзян Синчжи, выходя из кареты с лампой в руках.

Только теперь, оказавшись с ним лицом к лицу, он узнал его.

«Не тот ли это человек, который недавно, в секте Коу Юэ, спрашивал меня о способах ускоренного роста в культивации?»

Павильон Циньфэну был построен на разных уровнях — террасы, переходы, мостики над пропастью. Павильон Ваньюань находился на самом краю отвесной скалы, его восемь углов были обращены к далёким, затянутым облаками пикам. Пол был частично прозрачным, сделанным из закалённого нефрита, и сквозь него виднелась бездна, уходящая в вечность. Здесь можно было поместиться более чем десятерым, но сейчас, кроме них, в павильоне были только два старейшины и сам Чи Юйфэн.

Цзян Синчжи сел, оглядел окрестности и с легкой улыбкой произнёс:

— Вид с этого павильона поистине вне конкуренции. Если бы здесь сбросили труп, даже костей бы не нашли.

На мгновение воцарилась тишина.

Даже ветер замер.

Чи Юйфэн не изменился в лице, но Цзян Синчжи заметил, что на долю секунды его выражение стало жёстче. Но в нем был не гнев, а скорее ...вина.

«Интересно,» — подумал он.

— Глава Павильона, — сказал он вслух, — вы упомянули, что у вас есть просьба. Говорите.

Чи Юйфэн быстро пришёл в себя, сложив руки в поклоне:

— Откровенно говоря, в нашем павильоне хранится один артефакт. Говорят, это древний божественный предмет, оставленный основателем. Однако мы никак не можем подтвердить его подлинность. Поскольку у Владыки Лампы древняя кровь, мы пригласили вас, чтобы вы помогли его опознать.

Оба замолчали.

Цзян Синчжи и Чжун Мин обменялись едва уловимым, как движение тени, взглядом.

«Ох, беда...»

Цзян Синчжи медленно выпрямился, принял торжественную осанку и, с достоинством подняв руку, произнёс:

— Поднесите его, пусть этот господин взглянет.

Чи Юйфэн кивнул. Один из старейшин передал приказ. Четверо стражей молча ушли вглубь павильона.

В сознании Цзян Синчжи раздался тихий голос:

— Они подозрительны. Будь осторожен.

Он краем глаза посмотрел на Чжун Мина. Тот сидел, как каменное изваяние, лицо оставалось бесстрастным.

— Знаю, — ответил он мысленно. — Посмотри в их глаза. Они лгут.

Через некоторое время стражи вернулись, неся древний ящик.

Он был сделан из дерева утун, прожившего тысячу лет, с резными печатями, покрытыми пылью веков. Изнутри ощущалась глубокая, не агрессивная, но давящая, как вес горы, почти первозданная сила.

Стражи ушли. Два старейшины подняли руки, и вокруг павильона вспыхнул барьер, отсекающий любые посторонние чувства. Чи Юйфэн положил ладонь на крышку, губы его шевелились. Он шептал заклинание. Печати одна за другой потускнели. Замок щелкнул и крышка медленно открылась.

Цзян Синчжи наклонился вперёд, что бы повнимательнее рассмотреть артефакт.

Внутри лежал прозрачный нефритовый сосуд, в котором была запечатана, алая как закат, одинокая капля крови. Сквозь неё, будто вены из света, медленно текли золотые нити.

В тот же миг он почувствовал, как где-то в глубине Павильона активировался мощный скрытый формационный массив.

— Что это? — Сделав вид, что ничего не заметил, спросил он.

Чи Юйфэн внимательно следил за его реакцией.

— Разве Владыка Лампы не чувствует?

Голос его звучал слишком напряжённо, будто он ожидал, что Цзян Синчжи вот-вот упадёт на колени или закричит.

Цзян Синчжи слегка нахмурился, потом внезапно схватился за грудь и вскрикнул:

— А-а!

Чжун Мин молчал, но в его глазах мелькнуло понимание.

Чи Юйфэн тут же бросился вперёд, как будто хотел помочь.

Но прежде чем он успел дотронуться, Чжун Мин уже шагнул вперёд, поддерживая Цзян Синчжи, чьё лицо в этот момент исказилось то ли от боли... то ли от экстаза, то ли от обоих сразу.

«Значит, — подумал он, — поскольку Чи Юйфэн не сказал, что именно он должен почувствовать, Цзян Синчжи просто решил сыграть наугад.»

<http://bllate.org/book/15487/1373257>